

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ***Уважаемый участник олимпиады!***

Вам предстоит выполнить задания олимпиады. Время выполнения заданий – **200 минут**.

Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание;
- обдумайте и сформулируйте ваш ответ;
- не забывайте, что единственно верного ответа нет – важнее, чтобы ответ соответствовал заданию, опирался на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;
- после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Максимальное количество баллов – 100 баллов.

Аналитическое задание

Выполните целостный анализ предложенного произведения, взяв один из предложенных текстов (прозаический **ИЛИ** поэтический). Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. Выбор типа текста – Ваше право. Анализируя текст, Вам необходимо показать степень сформированности аналитических, филологических навыков. Вы сами определяете методы и приемы анализа, структуру и последовательность изложения своих мыслей.

Максимальное количество баллов за аналитическое задание – **70 баллов**.

Александр Куприн**Ужас**

Никто из нас четырех не знал своих случайных спутников. Разговорились мы совершенно нечаянно, как можно только разговориться, сидя друг против друга в вагоне, в длинный декабрьский вечер. Угарный запах железной печи, зловещий тускло-желтый полусвет, изливаемый двумя фонарями, задернутыми занавесками, утомительно однообразный стук колес, в такт с которыми колыхались и вздрагивали на потолке вагона уродливые тени, – все это сообщило нашей беседе странный, полуфантастический характер. Вспомнились читанные и слышанные рассказы о загадочных явлениях жизни, объяснимых только вмешательством сверхъестественных сил, о таинственных предчувствиях, о самоубийствах и привидениях. Сообразно со вкусами и кругозором каждого из собеседников, и рассказы были различного свойства. Один из нас, по всей вероятности, купец, в медвежьей шубе таких гигантских размеров, что она оказалась бы широкой для самого крупного медведя, склонен был более всего к рассказам в религиозном духе. В его случаях фигурировали: то святотатцы, задумавшие обобрать покойника, стоявшего в церкви, то убитый разбойниками монах, требовавший по ночам, чтобы его тело предали земле, то икона в Новгороде, на которой постепенно распрямляются сжатые в кулак пальцы святого, и когда они окончательно распрямятся – это верный признак скорой кончины мира. Другой пассажир – студент-медик первого курса – пугал нас случаями, происходившими в анатомическом театре, случаями, передающимися из поколения в поколение и совершенно недостоверного свойства. Я тоже, помнится, варьировал какой-то из необыкновенных рассказов Эдгара По, переделав его на происшествие с моим хорошим знакомым. Четвертый собеседник – господин в ушастой меховой шапке и в пледе поверх пальто – лишь изредка нарушал свое молчание односложными замечаниями.

Поезд несся вперед. Вагон однообразно вздрагивал, и вместе с ним вздрагивали на потолке уродливые, тоскливые тени. За окном точно бежала назад небольшая полоса мутно-серого снега, едва освещаемого огнями поезда. Изредка в этой полосе быстро мелькали густые черные силуэты оголенных кустов и деревьев, а дальше глаз тонул в холодной жуткой тьме, с которой сливались и небо и снег равнины, но в которой чувствовалась бушевавшая метель. Наши нервы невольно настроились на печальный и таинственный лад.

– Конечно, господа, все, что вы сейчас рассказали, необыкновенно и очень страшно, – произнес вдруг молчавший до сих пор господин в плеле и в ушастой шапке. – Но только все это – недостоверно. Кто из вас может поручиться за то, что эти случаи действительно происходили, а не явились плодом досужего вымысла? А я могу вам рассказать, если хотите, об одном происшествии, случившемся лично со мной. Я в продолжение всего лишь нескольких минут был одержим «ужасом сверхъестественного», но эти пять-шесть минут остались, и я знаю, что они навсегда останутся самым главным событием моей жизни, потому что невозможно одному и тому же человеку два раза в жизни перенести такой ужас.

Мы очень заинтересовались словами этого господина, и он начал:

– Десять лет тому назад я служил по таможенному ведомству и был смотрителем переходного пункта в пограничном местечке В. На моей обязанности лежала проверка товаров, пропускаемых за границу и провозимых из-за границы.

Пункт находился на плотине, пересекавшей реку Збруч. В шесть часов вечера, в моем присутствии, сторожа запирали рогатку, и с этого момента моя служба кончалась. Остальным временем я мог распоряжаться по своему усмотрению, и у меня вошло в привычку каждый вечер отправляться на вокзал к приходу вечернего курьерского поезда. На вокзале в эту пору собирались все чиновники таможи, пограничные офицеры, иногда даже окрестные мелкие помещики. В самом вокзале было тепло, светло, даже, если хотите, комфортабельно. Многие являлись со своими женами и дочерьми, ужинали в буфете, немного сплетничали, немного флиртовали, иногда составлялась партия ландскнехта, или, по-тамошнему, «дьябелка». В одиннадцать часов почти одновременно приходили оба поезда: и наш и австрийский. Вокзал сразу наполнялся разноплеменной публикой, суетливой, шумной, озабоченной. Изредка переезжал границу какой-нибудь путешествующий инкогнито кронпринц, и мы, глядя на него, с удовольствием убеждались, что коронованные особы ужинают с таким же аппетитом, как и обыкновенные смертные. Случалось также, и даже почти каждый день, что при досмотре задерживалась в багаже крупная контрабанда или что какую-нибудь изящную даму уводили для обыска в уборную.

А контрабанда в то время попадалась часто и всегда в большом размере. То была счастливая эпоха, о которой теперь только вздыхают поседелые в таможах и пакгаузах чиновники.

Тогда каждый служащий непременно имел свой круг клиентов среди контрабандистов. Девять раз он пропускал запрещенный товар, но в десятый задерживал его по всей строгости закона и получал премию. Таков был уговор, и горе тому контрабандисту, который для десятого раза провозил товар недорогой или в малом количестве. Да на что лучше: так хорошо жилось в то время таможенным чиновникам, что они находили неразрительным выписывать на свои холостые ужины из Львова и даже из самой Вены шансонетных певцов.

Местечко отстояло от вокзала на четыре версты. Общества в нем не было никакого, если не считать урядника и четырех почтовых чиновников, старых, геморроидальных и скучных. Нет ничего удивительного, что четырехверстное расстояние не пугало меня.

Однажды вечером, в конце ноября, заперев по обыкновению рогатку, я переоделся, привел в порядок накопившиеся за день документы и вышел из дому, чтобы идти на вокзал. Туда вели две дороги. Одна, более длинная, шла через все местечко и через прилегавшую к

нему деревню Фридриховку; другая, короткая, и собственно даже не дорога, а тропинка, пересекала по диагонали огромное пустое поле и выходила на железнодорожный вал, откуда до вокзала было как рукой подать. Я, конечно, ходил всегда полем и на этот раз пошел тем же путем.

Был час этак восьмой или даже девятый в начале. Стояла такая темь, что в десяти шагах уже ничего невозможно было разобрать. Я шел, угадывая дорогу ощупью, ногами: в том месте, где шла тропинка, снег слежался плотнее и издавал под каблуками легкий звук. Рядом с тропинкой тянулся ряд телеграфных столбов. Ветер жалобно звенел в обледенелых проводах, а самые столбы гудели непрерывно и однотонно. Каждый раз, подходя к столбу и еще не видя его во мраке, я уже слышал это гудение.

Началась вьюга. Прямо мне в глаза, слепя их, неся колючий, мелкий и сухой снег. Сердце мое было беспокойно. Мной овладело странное, неприятное и сложное чувство, которое всегда охватывает меня, когда я перехожу большие незакрытые пространства: поля, городские площади и даже длинные залы. Мне казалось, что я так ужасно мал и незначителен, а расстилавшееся передо мной поле так страшно велико, что я никогда не смогу перейти его. И от этой мысли я чувствовал временами, что все поле начинает подо мной кружиться.

Иногда я оглядывался назад и смотрел на слабо мерцающие вдали огоньки местечка. Это меня облегчало и поддерживало. Наконец и огни скрылись разом, когда я сошел на длинную и плоскую равнину. Вокруг меня была одна только мутная, белесоватая мгла.

Этого места я всегда инстинктивно боялся. Почему? – я и сам не мог бы сказать. Каждый раз, проходя этой долиной, я чувствовал, как безотчетный страх, по гомеровскому выражению, «хватает меня за волосы». И странно! Вместо того чтобы успокоить себя, я всегда почему-то дразнил еще более свое воображение воспоминаниями разных ужасов. Впоследствии я узнал, что у многих, если не у всех нервных людей, есть места, вызывающие такой безотчетный страх.

Я уже сказал, что вокруг меня была только темнота и вьюга... Вдруг, прямо перед собой, в очень значительном отдалении, как мне показалось, я заметил большое, темное, неподвижное пятно... Я остановился и слегка затаил дыхание, чтобы лучше прислушаться. Все было тихо; только снежинки слабо стучали о мое лицо, да сердце у меня в груди билось так громко, что, казалось, на другом конце поля можно было расслышать.

Темный предмет не шевелился. Я сделал пять шагов вперед и тотчас же убедился, что темнота и вьюга ввели меня в заблуждение относительно расстояния. Очень близко от меня на снегу неподвижно сидел человек, прислонившийся спиной к телеграфному столбу.

Он одет был в шубу, совершенно расстегнутую и распахнутую на груди. Шапки на нем не было. Он сидел очень ровно и прямо, вытянув вперед сложенные вместе ноги и опустив руки по бокам туловища, так, что кисти их уходили в снег. Голова была слегка закинута назад.

– Кто вы? – спросил я незнакомца.

Голос мой был слаб, как шепот, робок и звучал точно откуда-то издали. Так иногда перед обмороком слышатся голоса окружающих.

Он молчал.

– Кто вы? – повторил я.

Ни звука.

«Он, верно, замерз, или его убили», – подумал я, и эта мысль как будто бы успокоила меня.

Страх, стягивавший на моем челе кожу и пробегавший морозными волнами по моей спине, уступил на минуту место другому чувству – сознанию необходимости помочь ближнему.

Я подошел к незнакомцу в шубе и разглядел его. У него было длинное, худое лицо с тонкими губами, с длинным, горбатым носом; козлиная борода и брови, изогнутые острыми углами, довершали это странное насмешливое лицо, лицо интеллигентного сатира. Он был жив, потому что его глаза следили за мной. Страх опять начал овладевать мною, и мои зубы застучали часто и громко.

– Кто вы? – спросил я в третий раз задыхающимся голосом, чувствуя, как у меня в горле становится какой-то сухой, колючий клубок. Нервы мои были страшно напряжены и изощрены: я заметил, что на снегу около сидящего человека нет и признака каких-либо следов.

Он молча глядел на меня. И я глядел на него, не отрываясь. Я уже не мог отвести от него глаз. Ужас – невероятный, непередаваемый словами, нечеловеческий ужас оледенил мой мозг, мою кровь, мое тело. Пальцы на моих руках и ногах свела внезапно судорога.

Я глядел на него, не имея сил отвернуться в сторону. Прошло... я не знаю, сколько прошло секунд, минут... может быть, даже часов. Время остановилось. И вдруг (голос рассказчика возвысился и зазвенел)... вдруг незнакомец с тонким и насмешливым видом подмигнул мне левым глазом. Вслед за этим лицо его исказилось в безобразную гримасу, в какое-то нелепое, циничное сочетание смеха и испуга.

В ту же секунду я почувствовал, что и на моем лице отразилась эта чудовищная гримаса.

– Ты дьявол! Вот ты кто! – закричал я в исступлении злобы и ужаса и изо всех сил ударил незнакомца ногой по лицу.

Он упал, как падают мертвые – грузно и не сгибаясь. Я бросился бежать прочь. Но ноги не слушались меня, – они сделались точно свинцовые, и я с трудом передвигал их. Я падал, вставал и падал снова. Только во сне иногда я испытывал раньше подобное чувство, когда снится, что хочешь бежать от невидимого врага, а ноги не поднимаются, точно к ним привязаны пудовые гири...

И в то же время (это мне передавали уже впоследствии) я кричал без остановки все одно и то же слово:

– Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Потом сознание оставило меня. Я очнулся дома, на своей кровати, после жестокой болезни.

Господин в ушастой шапке замолчал.

– Кто же это сидел на снегу? – спросил студент, следивший за рассказом с большим вниманием.

– Потом все это разъяснилось, – ответил рассказчик. – Оказалось, что какой-то австрийский купец шел, так же как и я, с переходного пункта на вокзал, но по дороге его разбил паралич. Он кое-как дотащился до столба и сидел около часу, да еще вдобавок обморозился так, что не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Его уже потом нашли в десяти шагах от меня. Оба мы были без чувств.

– Так вот, господа, – закончил рассказчик в ушастой шапке, – вот какой ужас мне пришлось испытать. Я не сумею и сотой доли передать из своих тогдашних ощущений, но лучшим доказательством их может служить моя голова.

Он поднял шапку. Его волосы были белы как снег.

– Это я за одну ночь так побелел, – прибавил он с грустной улыбкой.

1896

Александр Иванович Куприн (1870 – 1838) – русский писатель, переводчик. Куприн – мастер литературного пейзажа и всего, что связано с внешним, визуальным, обонятельным восприятием жизни и характером человека. Портрет, психология, речь проработаны в произведениях Куприна до мельчайших нюансов.

Опорные вопросы к тексту

1. Докажите, что перед вами «рассказ в рассказе». Какова роль «обрамления»?
2. Какие художественные приемы и зачем использует автор в 1-2 абзацах текста? Какие «подсказки» помогают предвосхитить конфликт?
3. Как построен рассказ четвертого героя? Какова внешняя (поступки героя) и внутренняя динамика (состояние героя) рассказа?
4. Какие литературные произведения, на ваш взгляд, могли породить в герое уверенность, что незнакомец — дьявол? (Назовите 1-2 произведения, объясните свой ответ)
5. Какую роль, с этой точки зрения, играет рассказ о контрабанде и чиновниках?
6. Что породило «сверхъестественный» ужас? Сформулируйте основу конфликта и авторскую идею.
7. В издании 1911 года рассказ имел название «Дьявол». Как данная информация помогает понять авторский замысел?

Александр Кушнер

Телефонный звонок и дверной –
Словно ангела два надо мной.
Вот сорвался один и летит,
Молоточек в железку стучит.
В это время другой со стены
Грянул вниз – и с другой стороны.
И, серебряным звоном звеня,
Разрывают на части меня.
И дерутся, пока я стою,
За бессмертную душу мою.
Ноги – к двери, а к трубке – рука,
Вот и замерли оба звонка.
Телефонный звонок и дверной –
Словно ангела два надо мной.
Опекают меня и хранят.
Все в порядке, покуда звонят.
1962

Александр Кушнер (1936 г.) – известный поэт, лауреат многих литературных премий. По словам Дмитрия Лихачева, «Кушнер — поэт жизни, во всех ее проявлениях. И в этом одно из самых притягательных свойств его поэзии». Особенный мир его стихов, мир светлого сочетания грусти и радости, заслуживает читательского внимания и любви.

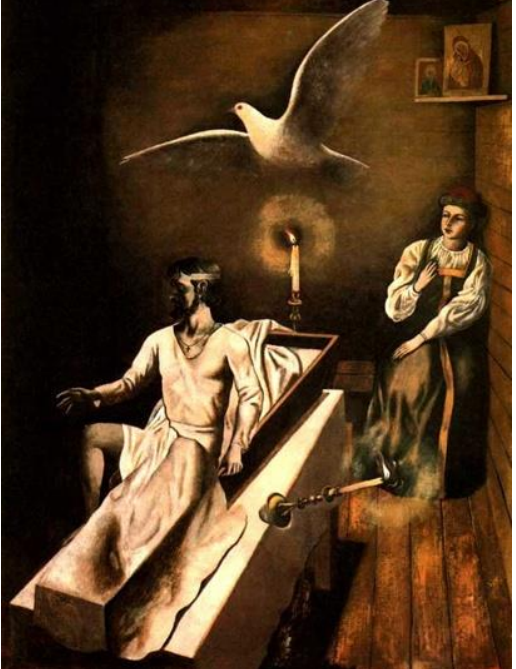
Опорные вопросы к тексту

1. Какое настроение создаёт автор?
2. Какой образ скрывается за звонками? Как называется этот художественный прием?

3. Почему появляется образ ангела? Что он символизирует?
4. Вдумайтесь в выражения «разрывают на части меня», «дерутся за бессмертную душу мою». Какой художественный прием использует автор и какой смысл вкладывает в эти выражения?
5. Как морфология и синтаксис стихотворения создают образ времени?
6. Какие еще средства изобразительности использует автор для раскрытия идеи текста?
7. Поделитесь впечатлениями от прочитанного. Как вы понимаете последние строчки текста?

Творческое задание

Максимальное количество баллов – 30 баллов

	
<p>1.</p>	<p>2.</p>
	
<p>3.</p>	<p>4.</p>

1. Рассмотрите иллюстрации. Укажите автора и название произведения, к которому создана иллюстрация.

2. Страх – базовая эмоция человека. С давних времен люди старались осознать его, сочиняли страшные истории, желая победить боязнь действительности. Ужасное обнаруживается в фольклоре, в древних сказаниях разных народов мира. Во второй половине XVIII века в качестве отдельного жанра возникает готическая проза с элементами сверхъестественных «ужасов», таинственных приключений, фантастики и мистики.

По просьбе просветительского сайта Arzamas филолог Олег Лекманов выбрал самые леденящие душу фрагменты из книг XIX и XX века («10 самых страшных отрывков из мировой литературы»/ <https://arzamas.academy/mag/571-horror>)

Составьте свой список книг, в которых писатель создал атмосферу страха. Кратко аргументируйте, почему вы внесли произведение в список. Включите в список не менее трех книг, рекомендуемый объем комментария к каждому тексту 3-5 предложений.